
Уютный детектив
Диктант, или Смерть на перемене
Школа №23
Юбилей — 70 лет
Диктант
Серия «Красный карандаш»
книга 20

Милана Панова

Диктант, или Смерть на перемене

https://litres.ru/74745362
SelfPub; 2026

Аннотация

За неделю до свадьбы корректор Нина Платонова вычитывает юбилейную книгу школы номер двадцать три. Заодно она выполняет просьбу подруги. Шесть лет назад в этой школе внезапно умерла учительница русского языка, а её тетрадь с «тремя фамилиями» пропала. На вечере встречи выпускников директор торжественно достаёт тетрадь и зачитывает со сцены страницу, порочащую коллегу. Через несколько минут кот Эклер находит в запертом классе тело сторожа, а на доске написано одно слово: «ДИКТАНТ». Школа закрыта, свидетелей двадцать, а убийца хорошо умеет писать чужой рукой. До свадьбы остаётся семь дней. Читать можно отдельно от предыдущих частей.

Милана Панова
Диктант, или Смерть на перемене

Диктант, или Смерть на перемене
Серия «Красный карандаш», книга 20

Глава 1. Семьдесят лет на одном месте

Если вы думаете, что корректор — это человек, который спокойно сидит в тишине и ищет запятые, вы никогда не вычитывали юбилейную книгу средней школы.

Книга называлась «Семьдесят лет на одном месте». Название придумал заказчик, и я до сих пор не уверена, что он понимал, как оно звучит. Триста двадцать страниц, сорок две фотографии, одиннадцать воспоминаний выпускников, шесть учительских очерков, предисловие директора и список всех золотых медалистов с начала времён. Книга должна была выйти через неделю, к юбилею школы номер двадцать три. А через неделю после юбилея, двадцать пятого октября, я выходила замуж. Так что вторую половину октября я мысленно делила на три части: книга, платье, всё остальное.

— Нина Сергеевна, — сказала Маргарита Викторовна Дымова, не поднимая головы от бумаг. — Вы сегодня читаете быстрее, чем вчера.

— Я хочу успеть.

— Успеете. — Она подписала договор и аккуратно положила ручку. — Вы знаете, почему я взяла этот заказ?

— Потому что платит спонсор?

— Спонсор платит, но таких заказов у меня десять. — Она сняла очки. — Я взяла этот, потому что сама была в той школе. Тридцать с лишним лет назад. Ничего хорошего там не помню, кроме одной учительницы.

— Лидии Сергеевны?

Дымова чуть заметно улыбнулась.

— Нет. Лидия пришла позже. Но я слышала о ней. Все говорили: «Воронцова так проверяет сочинения, что после неё остаётся только красная дорожка».

За окном корректорской лежал октябрь, серый и мокрый. На подоконнике, свернувшись в пушистый бублик, спал наш кот Эклер, и по его безмятежному виду было понятно, что ни юбилеи, ни свадьбы, ни дедлайны его не касаются. Напротив меня сидела стажёр Катя. Она была на седьмом месяце беременности, и мы с Андреем уже договорились: к декабрю она уходит в декрет, а мы ищем нового стажёра, которого, конечно же, никогда не найдём.

— Нина, — Катя подняла голову от монитора. — Тут во втором очерке дважды написано «одним из первых выпускников в далёкие годы». Это же масло масляное.

— Правь.

— Я исправила. Теперь автор пишет, что школа «основана

в 1955-м и носит имя героя». Какого героя?

— Спроси у автора.

— Автор — директор.

— Тогда спроси у директора.

— Я не рискну. Она оставляет в комментариях такие точки, что я боюсь их открывать.

— Это называется стиль, — сказала Дымова. — Вера Павловна Климова руководит школой двадцать лет. За это время вы привыкаете писать так, чтобы вас боялись даже запятые.

Дверь корректорской открылась без стука. На пороге стояла женщина с седыми волосами, убранными в низкий узел, в тёмном строгом пальто и с большой клетчатой сумкой, из которой выглядывал рулон выкроек.

— Простите, что без звонка, — сказала Эльза Карловна. — Я знаю, что вы заняты. Но мне нужно поговорить с Ниной Сергеевной. С глазу на глаз, если можно.

Я поднялась. Для читателей, которые сейчас впервые открыли эту книгу: Эльза Карловна — швея, которая шьёт свадебные платья. Она шила и моё. До августа мы с ней знакомы не были. В августе в её салоне «Белая фата» погибла девушка по имени Милена Воронцова, дочь её покойной подруги Лидии Сергеевны, учительницы русского языка. Убийцу нашли. Платье, которое Милена начала шить для меня, Эльза Карловна довела до конца, и оно висело теперь у меня дома, готовое, молочного цвета, с красной ниткой в подоле и пуговицей в виде запятой. Всё это я могла бы рассказать подроб-

нее, но вам не нужно знать подробностей. Достаточно того, что мы с Эльзой Карловной стали друзьями.

— Пойдёмте на кухню, — сказала я.

На нашей маленькой кухне мы сели за стол. Я включила чайник, а кот Эклер, который каким-то образом уже оказался рядом, без спроса устроился у Эльзы Карловны на коленях.

— Тетрадь, — сказала она без предисловий. — Мы так и не нашли тетрадь Лидочки. В августе вы были заняты расследованием, потом свадьба, и я не хотела мешать. Но на прошлой неделе я ходила в школу. Кабинет двенадцать. Подоконник вытерт, батарею перекрасили. Рабочие, понимаете? Кто-то знал, что тетрадь там. И забрал её раньше нас.

— Вы говорили Андрею.

— Говорила. Он сказал, что это закрытое дело и у полиции нет оснований.

— Он прав.

— Я знаю. — Эльза Карловна погладила кота. — Поэтому я пришла к вам. Корректор может пойти туда, куда не пойдёт полиция.

— Куда?

— На юбилей. Школа справляет семьдесят лет. Восемнадцатого октября вечер встречи выпускников и учителей. Придут все, кто когда-либо там работал. Лидочкины коллеги, ученики, вахтёры. Тот, кто забрал тетрадь, наверняка придёт. Люди не умеют отсиживаться, когда в доме празд-

ник.

— А я придумаю повод.

— Вы уже читаете их книгу.

Я посмотрела на неё. Эльза Карловна сидела прямо, с тем самым выражением лица, с каким она накануне говорила: «Это шов, который не должен расползтись».

— Эльза Карловна, — осторожно сказала я. — Неделя до свадьбы. Андрей собирался устроить ужин для близких. Катя на седьмом месяце. Я только что… в общем, у меня в запасе почти нет сил.

— Я понимаю. Но Милена сказала в записке: «Она читает, как ты». Про вас. Про вас и про маму. Это было последнее, что она написала.

Чайник щёлкнул. Я налила кипяток в две чашки. Рядом на столе лежала красная ручка, которой я только что правила очерк о «ветеранах педагогического труда». Я взяла её и повертела в пальцах.

— Если я пойду, — сказала я, — то пойду корректором. Мне нужен доступ к материалам, к архиву, к людям. Это можно устроить.

— Спасибо.

— Но Андрею мы расскажем.

— Конечно.

— И если он скажет «нет»…

— Он не скажет.

— Откуда вы знаете?

— Он вас любит. — Эльза Карловна улыбнулась. — Это видно по тому, как он смотрит на ваши руки, когда вы держите карандаш.

Я хотела возразить, но вместо этого сказала:

— Допивайте чай.

Вечером я рассказала Андрею всё. Он слушал молча, стоя у окна, с чашкой в руках, и по его лицу я видела, как он взвешивает: «капитан полиции» против «жених». Когда я закончила, он поставил чашку на подоконник.

— Нина, я скажу сейчас то, что обязан сказать как полицейский. Дело закрыто. Мы не знаем, существует ли тетрадь. Мы не знаем, умерла ли Лидия Воронцова не своей смертью. Мы знаем только, что кто-то перекрасил батарею.

— Знаю.

— А теперь скажу то, что хочу сказать как человек, который через неделю женится. — Он повернулся. — Я пойду с тобой. Как гость. Как жених корректора, который случайно сидит рядом. И если тебе что-то покажется странным, ты немедленно мне скажешь. Не через час. Немедленно.

— Договорились.

— И кота возьмём.

— Зачем?

— Потому что без него ты ничего не находишь.

Эклер, лежавший на диване, приоткрыл один глаз и снисходительно зевнул.

Глава 2. Школа номер двадцать три

Школа стояла на тихой улице, за кованой оградой, и выглядела так, как выглядят школы, пережившие три ремонта и два директора: крепкая, немного усталая, с потрескавшейся штукатуркой и светлыми окнами. Над входом висел плакат: «Семьдесят лет — школа, которой верят!» Ошибок на нём не было, и я приняла это за добрый знак: хоть что-то в этом доме обошлось без правки.

— Нина, — сказал Андрей.

— Знаю. Скажу.

— Спокойно.

— Я спокойна.

Мы пришли за три дня до юбилея, в самый обычный будний день, ближе к обеду, когда уроки уже закончились, а кружки ещё не начались. Я несла с собой верстку первых глав, чтобы согласовать правки, Андрей — служебное удостоверение в кармане и вид человека, который сопровождает невесту по необъяснимым причинам, а Эклер ехал в переноске с красным бантом, и всем встречным я объясняла, что это «рабочий кот издательства».

В вестибюле нас встретила молодая женщина лет двадцати девяти, в светлом свитере, с короткой стрижкой и очень живыми глазами.

— Вы Нина Сергеевна? — Она протянула руку. — Алла Олеговна Кораблёва. Я преподаю русский язык и литературу. Директор попросила меня вас сопровождать.

— Очень приятно.

— Мне тоже. Я читала ваши заметки о Тургеневе. — Она смутилась. — Простите. «Дымова и Ко» прислала ссылки.

— Не извиняйтесь.

— Директор будет через десять минут. Пока пойдёмте, я покажу вам школу.

Школа была устроена просто: длинный коридор первого этажа с актовым залом в конце, два крыла классов выше, внизу столовая, раздевалка и каморка сторожа. Мы прошли мимо стендов с фотографиями выпускников, мимо витрины с кубками, мимо доски объявлений, где красовалось расписание юбилейного вечера. На последней странице выпуска, на отдельном стенде, стоял портрет в чёрной рамке.

Я остановилась.

Лидия Сергеевна Воронцова смотрела на меня с фотографии спокойно и чуть насмешливо. Тёмные волнистые волосы, тонкие губы, на переносице две морщинки, будто она только что заметила ошибку в чужом сочинении и решила её не исправлять, а объяснить. У неё были глаза Милены. Я поймала себя на том, что смотрю на портрет слишком долго.

— Вы её знали? — тихо спросила Алла.

— Нет. Я знала её дочь.

— Милена… — Алла опустила голову. — Я видела её один раз. Она приходила в июне. Просила показать кабинет. Ходила по нему, трогала парты, смотрела на окно. Потом сказала: «Мама любила здесь сидеть по вечерам». И ушла.

— Она не искала что-нибудь?

— Нет. Мне казалось, она просто прощалась. — Алла помолчала. — Лидия Сергеевна была лучшим учителем, которого я знала. Хотя я пришла в школу через два года после её смерти. Но дети до сих пор о ней рассказывают. Помнят её диктанты, её «красные дорожки», как она читала вслух Чехова.

— Красные дорожки?

— Она проверяла сочинения красной ручкой так, что страница превращалась в карту. Но никогда не ставила двойки. Писала на полях: «Вы можете лучше». Дети ненавидели и обожали.

— Знакомо, — сказал Андрей, и я не стала спрашивать, откуда.

Мы поднялись на второй этаж. Алла открыла кабинет двенадцать. Это была обычная классная комната, с рядами парт, доской, портретами писателей над ней и тремя окнами, выходящими на двор. Под левым окном стояла чугунная батарея, свежевыкрашенная в белый цвет. Краска легла ровным слоем, не успев обрасти пылью.

— Это тот кабинет, — сказала я тихо.

— Лидия Сергеевна вела здесь все свои уроки. Теперь я.

— Давно красили?

— Три недели назад. Директор распорядилась. В бюджете нашлись деньги на «косметический ремонт к юбилею». Покрасили батареи по всему этажу.

— Вы видели рабочих?

— Нет. Их присылала фирма. Приходили утром, до уроков. Один из них заходил ко мне в кабинет, проверял батарею, — Алла замялась. — Он был в маске и спецовке. Я не обратила внимания.

— А вы не заметили, что он делал?

— Он опустился на колени, потрогал что-то за трубой. Потом сказал: «Тут трещина, мы сделаем». И ушёл. А потом пришёл с коллегой, и они всё покрасили.

Я посмотрела на Андрея. Он молча кивнул, глядя на батарею.

— Можно я подойду?

Я опустилась на корточки и осторожно провела пальцами за трубой. Там была узкая щель между батареей и стеной, сантиметров пять. Пыли не было: её вытерли. На стене, слева от щели, виднелся чуть заметный квадратный след. Как будто там лежало что-то плоское, размером с ладонь.

— Тетрадь, — сказала я.

Эклер, сидевший в переноске у Андрея на плече, коротко и недовольно мяукнул.

За дверью послышались шаги, и на пороге появилась женщина лет шестидесяти пяти, высокая, с жёсткой седой укладкой, в тёмно-синем костюме и очках в тонкой оправе. Она держала в руках планшет с бумагами и смотрела на нас так, как смотрят на опоздавших.

— Нина Сергеевна Платонова? — Голос у неё был низкий, с хрипотцой. — Вера Павловна Климова, директор. Вы

почему здесь?

— Алла Олеговна показывала мне школу.

— Мне говорили, вы корректор.

— Да.

— Тогда позвольте напомнить, что корректор работает с текстом, а не с батареями.

— Я искала правую сторону для списка выпускников, — сказала я спокойно. — Там, в верстке, напечатано «слева», а я привыкла проверять.

Она посмотрела на меня долгим, оценивающим взглядом. Потом улыбнулась, ровно и вежливо.

— Что ж. Приятно, когда человек относится к работе серьёзно. Пройдёмте в мой кабинет. Нужно обсудить предисловие.

Мы вышли в коридор. Алла шла последней, и я заметила, что она слегка побледнела. По пути нас обогнал грузный пожилой мужчина в сером рабочем халате, с ключами на поясе и усталым лицом. Он нёс ведро с краской и кивнул нам, не глядя.

— Степан Фёдорович, — окликнула его директор. — Вы сегодня проверяли актовый зал?

— Проверил, Вера Павловна.

— Свет?

— Горит.

— Хорошо.

Он двинулся дальше, но у поворота обернулся. Я поймала

его взгляд: быстрый, тревожный, направленный не на директора, а на меня. Потом он отвернулся и скрылся на лестнице.

— Наш сторож, — пояснила Вера Павловна. — Двадцать три года работает. Человек надёжный, но разговорчивый. Не слушайте его.

— Он что-то хотел сказать?

— Он всегда что-то хочет сказать.

В кабинете директора пахло лавандой и кофе. На стенах висели дипломы и грамоты, а над столом золотыми буквами сияла надпись: «Школа — это жизнь». Эклер в переноске чихнул. Вера Павловна смерила его взглядом.

— У вас кот.

— Рабочий кот издательства.

— Ни в коем случае не выпускайте его в актовом зале. У нас аллергики.

— Не выпущу.

Я села. Андрей остался стоять у двери, делая вид, что разглядывает грамоты. Через минуту дверь открылась снова, и вошёл высокий мужчина лет пятидесяти пяти с густыми усами, в мятом пиджаке с мелом на рукаве. Лицо у него было красным, а глаза бегали.

— Вера, где ты прячешь макеты? — выпалил он. — Мне нужно проверить, что про физкабинет написано…

— Борис Аркадьевич, у нас гости.

Он остановился.

— Простите. Здравствуйте. — Он кивнул мне. — Борис

Лебедь, физика.

— Нина Платонова, корректор.

— А, это вы. — Он потёр усы. — Если найдёте в тексте слово «взрыв», вычёркивайте. Я там две страницы про опыты, но редактор переборщила.

— Не переборщила, — холодно сказала директор. — Вы описали эксперимент, после которого в двух кабинетах выбили стёкла.

— Это было красиво!

— Это было запрещено.

Они уставились друг на друга. Я почувствовала, что в воздухе повисла давняя, въевшаяся в стены неприязнь, из тех, что копятся годами и никогда не взрываются, а только тлеют. Борис Аркадьевич развернулся и вышел.

— Он всегда такой? — спросил Андрей.

— Он всегда такой, — ответила Вера Павловна. — Талантливый, но невыносимый. Лидия Сергеевна с ним ссорилась. Теперь ссорюсь я.

— Они ссорились?

— Постоянно. — Она положила на стол планшет. — Но не будем о грустном. Давайте о предисловии.

Мы проговорили около часа. Вера Павловна оказалась человеком цепким и дотошным: каждый абзац предисловия она защищала, как крепость. Когда мы уходили, в коридоре у доски почёта нас догнала Алла.

— Нина Сергеевна, — прошептала она. — Если вам что-

нибудь понадобится по Лидии Сергеевне, я могу достать архив. У нас сохранились её классные журналы и тетради с планами уроков.

— Спасибо.

— И… — Она оглянулась. — Степан Фёдорович вам что-то хотел сказать. Он мне говорил вчера: «Хочу сказать корректору». Я не поняла, что он имел в виду.

— Когда?

— Вчера вечером. После уроков.

— Где я могу его найти?

— Он обычно в каморке, внизу. Или в котельной.

Мы спустились вниз. В каморке было темно и пусто. На столе лежали ключи, лежал недопитый чай в гранёном стакане. На стене висел календарь, где красным были обведены три даты: восемнадцатое октября, двадцать пятое октября и ещё одна, давняя, в марте.

— Он вышел, — сказала Алла. — Наверное, в котельной.

— Подождём.

— Не стоит. Он редко возвращается раньше семи.

Мы подождали пять минут, потом ушли. На крыльце Андрей остановился.

— Нина. Я хочу вернуться.

— Зачем?

— Не знаю. Мне не нравится этот сторож.

— Он нервничает.

— Он боится. Это разные вещи.

— Мы придём на юбилей. Он сам подойдёт.

— Надеюсь.

Мы пошли по мокрой улице к машине. За нашими спинами зажглись окна школы, одно за другим, тёплые и жёлтые, и мне вдруг показалось, что здание смотрит нам вслед.

Глава 3. Красные дорожки

Два следующих дня я сидела в архиве.

Нет, не в школьном, а в домашнем: Алла прислала мне через Дымову фотографии классных журналов и планов уроков Лидии Сергеевны, и я разложила их на кухонном столе рядом с верстkой. Эклер немедленно лёг на самые важные листы. Я не стала сопротивляться.

Лидия Воронцова была корректором, прежде чем стала учителем. Об этом я узнала из одной строки в предисловии к её личному делу: «С 1991 по 1996 год работала корректором в издательстве «Прогресс». Увидев её почерк на полях сочинений, я поняла почему. Она не подчёркивала ошибки школьным способом, тонкой чертой под словом, а ставила на полях чёткие корректорские знаки: «/» для пропущенной буквы, «∅» для лишней, волнистую скобку для перестановки. Дети, конечно, не знали, что значат эти значки. Но узнавали рукой мастера. Почерк у Лидии был мелкий, ровный, чуть наклонённый вправо.

И ещё одна деталь. Даты. Лидия Сергеевна никогда не писала даты школьным способом, «12.03.2020». Она писала их так, как пишут в типографии: «12 III 20». Месяц римской

цифрой. Я видела это на каждой странице журнала и подумала: что-то в этом знакомо. Потом вспомнила. Так же писала дата в старых гранках, которые мне когда-то показывала наша старшая корректорша.

— Нина, — сказала Катя, заглянув в дверь кухни. — Ты разговариваешь с кошкой.

— Я разговариваю с рабочим материалом.

— Он слушает?

— Он делает вид.

— Значит, всё как у людей. — Катя присела рядом. Под её просторным свитером уже было заметно, как растёт живот. — Ты правда думаешь, что в этой школе кого-то убили?

— Я думаю, что одна женщина умерла внезапно, а потом пропала её тетрадь.

— Это не одно и то же.

— Нет. — Я отложила журнал. — Но три «не одно и то же» подряд уже называется закономерностью.

— Какие три?

— Смерть. Тетрадь. Рабочие.

Катя помолчала, поглаживая живот.

— Глеб говорит: если собираешься ввязаться в историю, делай это до рождения ребёнка. Потому что потом времени не будет.

— Это он тебя уговаривает?

— Это он меня предупреждает. — Она улыбнулась. — Он очень волнуется. Каждую ночь читает руководство «Первый

год жизни». Вчера пытался пеленать подушку.

— И как?

— Подушка осталась жива.

Мы засмеялись. Эклер, лежавший на журналах, поднял голову и взглянул на нас с лёгким осуждением, будто в доме не принято смеяться над серьёзными вещами.

На следующее утро я пришла в издательство пораньше и застала в корректорской гостя. Он сидел на моём месте, закинув ногу на ногу, и листал верстку юбилейной книги. Это был мужчина лет сорока, в дорогом пальто, с загорелым, хорошо ухоженным лицом, с серебряными часами и профессиональной улыбкой, из тех, что показывают на предвыборных плакатах.

— Нина Сергеевна? — Он поднялся. — Денис Ярцев. Рад познакомиться. Маргарита Викторовна говорит, вы лучший корректор в городе.

— Она преувеличивает.

— Я привык проверять. — Он оглядел меня с головы до ног. — Вы читали главу про спортзал?

— Ещё нет.

— Прочтите. Там на тридцать седьмой странице неточность. Пишут «спонсорские средства Ярцева», а нужно «благотворительный взнос». Это разные вещи.

— Для налоговой?

— Для имиджа. — Он улыбнулся. — Я депутат городского совета. Мне нужна точность.

— Я заменю.

— Спасибо. — Он снова сел, не приглашая сесть меня. — Я знаю, что вы сейчас занимаетесь воспоминаниями учителей. Я попросил бы вас не включать главу о Воронцовой.

— Почему?

— Потому что мёртвые не любят, когда о них говорят неточно. А её характер был… сложный.

— Вы её знали?

— Я учился в этой школе. Закончил в тысяча девятьсот девяносто втором. Потом мой сын, Артём. Окончил шесть лет назад. — Он помедлил. — Лидия Сергеевна преподавала ему русский.

— И?

— И была слишком принципиальной. — Он пожал плечами. — Для школы это не лучшее качество.

— Принципиальность?

— Эгоцентризм. Человек, который уверен, что он один знает, как правильно. Я не люблю, когда мой сын приходит домой в слезах из-за запятой.

— Из-за запятой?

— Из-за красной запятой на полях.

Я молчала. Он тоже. Эклер, который до этого сидел за монитором и вообще ничем не выдавал своего присутствия, вышел на середину стола, посмотрел на Ярцева и громко чихнул. Ярцев недовольно покосился.

— У вас кот?

— У нас кот.

— У меня аллергия.

— Это неожиданно. У всех аллергия. — Я взяла с полки папку. — Денис… простите, как по отчеству?

— Просто Денис.

— Хорошо. Денис, у меня есть вопрос. Список золотых медалистов в книге. Шесть лет назад вашему сыну дали золотую медаль. Вместе с двумя другими выпускниками.

— И что?

— В предыдущие десять лет золотые медали получали по одному человеку, иногда ни одного. А в тот год сразу трое.

Он перестал улыбаться.

— Вы хотите сказать, что они были незаслуженными?

— Я хочу сказать, что это статистика. Корректор замечает аномалии.

— Мой сын был очень способным.

— Я не сомневаюсь.

Ярцев поднялся. Лицо у него сделалось жёстким, но голос остался ровным.

— Нина Сергеевна, давайте без намёков. Я привык решать вопросы напрямую. Если у вас есть претензии к моему сыну, скажите прямо. Если нет, займитесь книгой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.